

2 января у нас с женой своего рода юбилей – 40 лет совместной жизни. Причем жизни счастливой! С чем я нас и поздравляю!

Это – небольшой отрывок из неопубликованной книги - «Русские: обреченные на коммунизм». Книгу всё некогда завершить – много неотложной научной работы. По жанру это своего рода биографический очерк, основанный на личных ощущениях жизни и написанный задолго до моих главных научных книг. Но, полагаю, интуитивно моя семья шла «верной дорогой»: потом это подтвердили выведенные мною закономерности, которые я изложил в книге «О любви, семье и государстве». Вот такой путь к моему успеху и счастью. Возможно, некоторым читателям эта информация будет небезынтересна.

Есть еще одна причина данной публикации – наблюдение за тем, что сейчас происходит в семейной жизни в России и на Западе приводит меня в ужас. Суррогатные бизнес-семьи полностью разлагают мораль, человеческие принципы и, в конечном счете, государства. Об этом научно я написал в своей книжке, повторюсь, «О любви, семье и государстве».

Кое-что из текста осталось в неизменном виде, а некоторые куски я комментирую с нынешней точки зрения.

Семья

Женитьба

Второго января 1970 г. у меня произошло знаменательное событие. Я женился на студентке Ленинградской консерватории. Валентина была тоже астраханкой и, что самое удивительное, еще в детские годы мы с ней дважды отдыхали в одном пионерском лагере, и уже тогда я в нее был влюблен. Но позднее, как-то встретив ее на улице, я был поражен – эдакая расфуфыренная «фря». Хотел было к ней подойти, но приятель сказал: «На себя посмотри». Посмотрел. В отличие от нее я был «одет» в трусы (дело было летом), а мы, бедняцкая орава, до седьмого класса ходили в трусах до колен по городу. «Ну, буржуйка», – подумал я тогда. Классовое пролетарское сознание взяло верх, и как-то сразу все забылось. Но вот именно на этой «буржуйке» я впоследствии и женился.

История эта и удивительная, и интересная. Мы, хотя и жили в одном городе, дышали «совершенно разным воздухом». Валя занималась музыкой, что, вероятно, снимало с нее отпечаток «дворянжки». Хотя наши родители одного уровня развития, «ее музыка» как-то иначе одевала ее. Пришел я к ним в дом с моим знакомым, который учился с ней на одном курсе еще в Астраханском музыкальном училище и

который решил нас познакомить. (Она меня вообще не помнила по пионерскому лагерю. Ну, еще бы – она играла Моцарта! А я слушал музыку Витьки Склярова – дворового баяниста.) Меня предупредили, что у нее есть красавцы-ухажеры и что здесь можно «только посмотреть». Но это меня раззадорило еще больше. Пришел. После целинных студенческих работ. Стриженный наголо (из-за практичности на целине). Она что-то рассказывала о каком-то Марио Ланце, была веселой и необычной для меня. Но тут я почувствовал, что «только посмотреть» для меня не подходит. Выходя из ее дома, я сказал своему приятелю: «Вот на ней я и женюсь», за что был осмеян.

Узнав, что она едет пароходом до Москвы, я решил удивить ее. И удивил: когда, сходя с трапа в Москве, она увидела меня, с цветами, то была сильно потрясена. (Я, естественно, перелетел на самолете.) Она что-то рассказывала про свои музыкальные проблемы, про какой-то Град Китеж и еще что-то. Тут я действительно понял, что влюблен.

Естественно, и до встречи с Валею я влюблялся много раз, но в голову как-то не приходило жениться. А тут почему-то засвербело – жениться. Почему? Где та грань, которая разделяет простую влюбленность и настоящую любовь, требующую продолжения отношений в браке? Не знаю, как отвечают на этот вопрос социологи. Мне же кажется, что влюбленность — это психологическое чувство, вызванное чистой биологией, любовь же явление духовное, в котором биологический элемент хотя и присутствует, но не доминирует. Доминантой является отношение к женщине как к личности в целом. Любишь не за «глазки, за грудки», а за нечто целое, составляющее Её. Но это не просто «она», на самом деле это «ты», твое представление об идеальной женщине, сформированное предыдущим жизненным опытом. Отношениями с мамой, сестрой, другими женщинами, с одной стороны, и ценностями, которые к тому времени сложились, — с другой. Например, одно время я ухаживал за очень красивой девушкой (побеждавшей в конкурсах красоты в каких-то молодежных лагерях). Причем она отвечала мне взаимностью и даже начала инициировать брак. Меня остановил такой «пустяк»: она слишком много внимания уделяла тому, как я держу вилки-ножи. В то время я, видимо, на интуитивном уровне почувствовал: если она придает большое значение таким мелочам, то что-то в ней неполноценное, проскальзывала какая-то претензия на внешнюю культурность. И то, что я обратил на это внимание, то, что я мог контролировать свое состояние и рассуждать на эту тему, означало простое

увлечение. Любовь не контролируется. И чем она сильнее, тем меньше рассудка. Отсюда безрассудная, или безумная любовь, описанная классической литературой. Иначе говоря, человек влюбляется в того, кто уже сформирован в нем в виде образа, который, в свою очередь, является частью его самого. Остается только отыскать адекватную материальную субстанцию, совпадающую с его образом. Любовь как раз и случается, когда образ совпал с плотью. Гегель бы сказал: понятие нашло себя в бытии, растворилось в нем и стало единым.

Я хорошо помню свое тогдашнее состояние до сих пор. В то время я был на практике в Москве: проходил ее на радио, в отделе вещания на Японию под руководством популярного тогда журналиста Владимира Цветова. Но эта практика не очень «клеилась», т.к. из головы не выходила Валя. Я даже начал писать «стихи», а в письмах к ней употреблять всяческие слюнтяйские слова в уменьшительно-ласкательной форме, совершенно не свойственные мне в силу моего пролетарского происхождения. Я недавно заглянул в эти письма: они напоминают бред сумасшедшего. О стихах вообще не говорю. Это что-то в духе: «если был влюблен бы в Розу, то писал бы только прозу, а для милой моей, ах, прозу я пишу в стихах». Короче, «стихи» тырк-мырк, пук-мук... но любовь – это болезнь. Я и сейчас отличаюсь особым стилем стихосложения, что и продемонстрировал на страничке сайта *На досуге*. Но это сейчас, учитывая стиль и замысел, а тогда я писал реальную бредь.

После окончания практики в Москве я вернулся в Ленинград и стал готовиться к визиту к Вале в общежитие, предварительно уведомив ее открыткой, начинавшейся словами: «Уважаемая сударыня!» И т.д. Дело в том, что несмотря на мои пламенные письма, я не чувствовал никакой победы. Валя училась в консерватории, где у нее было достаточно ухажеров-музыкантов, и я среди них не был первым. К тому же в музыке я не разбирался, а классику вообще терпеть не мог. И чтобы как-то соответствовать, так сказать, я купил *Музыкальный словарь композиторов* и выучил десяток имен на «А». Среди них сейчас никого не помню, кроме почему-то японского композитора Акутагава Го. Имя я запомнил, а что он написал – нет.

Вооружившись знаниями композиторов на «А», для поддержки я пригласил своего приятеля из студенческой группы. Мы с ним купили бутылку водки и для пущей важности по сигаре. Когда мы пришли в общежитие, Вали еще не было, но были ее подружки по комнате, которые нас ждали. Поставив бутылку на стол, мы с другом решили закурить сигары. До этого мы ни разу их не курили и потому не знали, что надо было срезать кончики сигар. В результате сигары никак не закуривались, а мы чуть было не задохнулись от дыма и кашля. Со стороны смотрелось все это комично. Девушки похохатывали. Мы им предложили водчонки, но они отказались: дескать, водку не пьют (наши, с Восточного факультета, почему-то пили). У них, правда, было вино или шампанское, и как бы застолье началось. «Невзначай» я перешел на композиторов (на "А"), оказалось, что они их не знают. И очень удивились моим

познаниям в музыке. Когда пришла Валентина, мы были уже очень веселые, что ей почему-то не понравилось.

Процесс завоевания длился несколько месяцев. Самым мучительным для меня было хождение на концерты в филармонию и консерваторию, где я пересчитал все лампы на потолках и кружочки-дырочки на сценах. Но и я, осмелев, стал постепенно ее удивлять (уже в ее присутствии не мычал, а начал членораздельно разговаривать). В конце концов Валю я заинтересовал, и мы уже встречались «на равных». Куда-то исчезли с горизонта все ее знакомые музыканты, и через полгода мы поженились. Я до сих пор задаю себе вопрос: почему она выбрала меня?

В нашем случае интересно вот что: как можно было жениться при «наличии отсутствия всего»? Жили в разных общежитиях, стипендии где-то по 40 р. в месяц. На что рассчитывали? Непонятно. Из всех моих тогдашних знакомых замуж вышла только девчонка из нашей группы. Но у нее отец был директором Лениздата, и они сразу от своих родителей получили все, что надо для жизни (прежде всего квартиру). Нам на своих родителей (которые жили в Астрахани) рассчитывать не приходилось, хотя они и подкидывали рублей по 30 в месяц. Но это – крохи.

Сейчас перед свадьбой происходит тщательная калькуляция возможностей с обеих сторон, вплоть до подписания брачных контрактов: кто кому и сколько будет должен. То есть уже заранее планируется возможный развод. Я здесь даже не говорю об откровенных паразитках-уклейках, для которых брак – это устройство богатой жизни. Я говорю о некой норме, утвержденной на Западе и утверждающейся в нынешней России. Хотя удивляться этому не приходится, поскольку в капиталистических обществах любовь такой же товар, как и всё, о чем совершенно справедливо писали в свое время Маркс с Энгельсом. Я полагаю, что если молодожены подписывают контракт, их семья обречена на развод, поскольку данный союз построен не на любви, а на денежном расчете. Это - брак с браком.

Мне сразу напомним мой же пример с японцами (из книжки «О любви, семье и государстве»), где пары вроде бы тоже складываются без особой любви, на основе посредничества. Это верно, хотя современная молодежь начала этому сопротивляться. При всем этом надо иметь в виду: в отличие от западных обществ и нынешней России, где на первое место ставится материальное благополучие сторон, в Японии, не сбрасывая со счетов данный фактор, учитываются в не меньшей, а может, и в большей степени такие вещи, как образование, воспитание, социальный уровень. Своего рода комплексный подход, очень близкий к научному. Возможно, именно поэтому среди капиталистических стран в Японии наименьший коэффициент разводов. Любовь же как таковая не самый главный фактор в Японии, где представления об этом феномене и счастье отличаются от представлений на Западе и в России.

В моем понимании все-таки настоящая семья складывается на основе любви, которая не считает, не просчитывает и не задумывается, что будет потом. Любовь, повторю, явление иррациональное по сути, для нее нет денег, нет положения, нет ничего, кроме самой любви. Рациональной же любви не бывает в принципе.

Таким образом, любовь – это начало семьи. Сохранится ли эта семья до конца, зависит от силы любви. Другими словами, любовь можно измерять: она равна продолжительности жизни самой семьи. Скажут, а как же семьи без любви? Ведь таких сколько угодно. Чушь: семья без любви – это сожительство человекоподобных.

Пе-ре-двиг-же-ние

Одним из сильнейших испытаний для нас с Валею была квартирно-прописочная проблема, которая длилась до марта 1975 г. Она, правда, продолжалась в форме переездов и после получения квартиры (по количеству их смен мы могли бы занять место в книге Гиннеса). Но все по порядку.

Как я уже упоминал, жили мы в разных общежитиях. Вместе не полагалось, так как учились в разных институтах. Тогда мы сняли свою первую квартиру в районе Дачное в Ленинграде. На свадьбу приехали наши родители из Астрахани. Я очень не понравился ее маме, поскольку мои внешние данные резко контрастировали с данными тех красавцев, которые ухаживали за моей невестой до меня. Но делать нечего. Отпраздновали мы нашу свадьбу в ресторане «Нарва», куда мы, кстати, сильно опоздали из-за моей мамы. Она, наслышавшись о честности ленинградцев, договорилась с одним из случайных таксистов, чтобы он подъехал к назначенному времени и месту и привез нас на свадьбу. И, естественно, заранее оплатила эту несостоявшуюся поездку. Мама потом говорила, что ей и в голову не могло прийти, чтобы ленинградцы (!) так могли обмануть. Поскольку таксист не приехал, я бросился к стоянке такси. Человек десять ожидали своей очереди. Я попытался их уговорить пропустить меня без очереди, мол, свадьба, ждет невеста – бесполезно, меня не пропустили. Короче, мы с большим опозданием добрались до места. После свадьбы начались наши квартирные мытарства.

Когда у нас должен был родиться сын, мы снимали уже третью комнату в одной из коммунальных квартир на Васильевском острове на 16-й линии у одной старушки. Жена - в роддоме, бабка требует, чтобы мы съехали с ее площади, поскольку соседи не хотят, чтобы в квартире жили с маленьким ребенком. Я начал метаться, но ничего не находил. Через неделю после выхода жены из роддома бабка поставила ультиматум, и жена с грудным ребенком переехала к какой-то сумасшедшей тетке (действительно больной женщине), но у которой можно было ночевать за то, чтобы давать ей самой лекарства и сидеть с ней, так как у нее было навязчивое чувство страха. Я временно перебрался к себе в общежитие. И тогда мой старый друг Алик

Ахундов, сам снимавший комнату на Московском проспекте, отдал ее нам. Мы переехали туда, но через неделю-две нас «попросили» и оттуда, поскольку, «купая ребенка, мы увлажняли и без того сырой воздух» крошечной ленинградской квартиры. Мы собрались уже ехать в Таллин к друзьям, но тут Д.И. Гольдберг, мой преподаватель по Университету, договорился с одним дачником, у которого летом он сам снимал дачу. Это - под Ленинградом, в Ольгино. Мы переехали туда, и там вроде бы было ничего, но начались холода, а дача не отапливалась. А кроме того, там не было пианино, необходимого для занятий жены, чтобы закончить консерваторию. В ноябре Валя отвезла трехмесячного ребенка в Астрахань. Летом мы не могли этого сделать, так как в Астрахани разразилась эпидемия холеры. Через некоторое время жена вернулась, оставив ребенка на попечение своей матери. Надо было завершать учебу. Я за это время нашел комнату на ул. Воинова, где мы и жили до получения своих дипломов. Закончив вузы и получив свободные дипломы (так назывались дипломы, выдаваемые без распределения на работу), мы направились в Москву.

В Москву мы с Валею приехали вместе, чтобы выяснить обстановку: где можно найти работу. Мне верилось, хотелось верить, что с моей специальностью востоковеда, со знанием японского языка, который я освоил, подрабатывая в ленинградском Интуристе, это было не так сложно. Думалось, что к такой специальности и прописка приложится. (Беспредельная наивность!) Я обошел около 20 организаций, включая МИД(!). Напрасно. Зашел к Д.В. Петрову в ИМЭМО посоветоваться, как мне быть. (С ним я познакомился, когда проходил практику в Москве.) Он меня и надомнил попытаться поступить в аспирантуру Института Дальнего Востока АН СССР (ИДВ). Заведующей аспирантурой была его приятельница - вот к ней я и пришел. Она свела меня с заведующим отделом – А.Г. Яковлевым, который подтвердил намерение взять аспиранта по определенной теме, если, естественно, он сдаст вступительные экзамены. У меня приняли документы, сказав, что экзамены начнутся в октябре. А до их начала, таким образом, надо было, во-первых, подыскать жилье, во-вторых, найти работу Вале.

В одном из общежитий Москвы работала кастеляншей (выдавала и собирала постельное белье) Валина дальняя-предальняя родственница из самой что ни на есть беднейшей московской прослойки. Зная по себе, как нелегко существовать на мизерные деньги, она решилась с риском для себя пустить нас жить в служебное помещение, где хранились матрацы, подушки, в общем, в свое «царство». Проникать туда было сложно, так как у нас не было соответствующих документов для входа в общежитие. Чтобы проскользнуть в эту кладовку, мы обычно долго выжидали, пока вахтерша отлучится или заговорит с кем-нибудь. Каждое проникновение стоило нам больших трудов, и так продолжалось полтора месяца. Если уж мы попадали в свою «берлогу», то старались не выходить, не включать свет и пр., чтобы не подвести людей, рискнувших нам помочь. В конце августа жена срочно уехала в Астрахань, так

как заболел ребенок. Я за время ее отсутствия должен был снять квартиру или, на худой конец, комнату, но у меня ничего не получалось. Вот как дальше разворачивались события по дням. (Ниже записи из моего дневника).

12 сентября 1971 г. *Встретил Валю в 6.30 на Павелецком вокзале. Поехали к ее родственнице-кладовщице с просьбой написать ее матери, жившей в Шатуре (в Московской области), письмо, чтобы она прописала Валю у себя. Письмо было тут же написано. Думали, что теперь уладим проблему с пропиской. Потом поехали к еще одной родственнице. Ничего путного она нам не сказала, только порекомендовала пойти до какого-то места, где сдают квартиры. Мы поехали туда; квартир никто не сдавал, но одна женщина направила нас к станции метро «Проспект Мира», где находился квартирный рынок. Приехали, потолкались. Ничего не получилось. Поехали искать гостиницу в районе ВДНХ. Свободных мест нигде не было. В одной из гостиниц кто-то посоветовал обратиться по определенному адресу: там, дескать, сдают комнату. Действительно, какая-то женщина пустила нас на четыре дня, по три рубля с человека в сутки. Деньги вперед. Мы съездили за вещами в камеру хранения на вокзал и, вернувшись, рухнули спать.*

13 сентября. *Валя утром поехала в Шатуру выяснять насчет прописки. Я рванул в город в поисках более надежных квартир. Полдня прокрутился без толку. Затем несколько часов позанимался в библиотеке. Мне же надо готовиться к экзаменам. В девять часов вечера пришел в дом, где мы сняли комнату, но на звонки никто дверь мне не открыл. Прождал час. Вновь звоню. Безрезультатно. Пришлось ехать на Аэровокзал на Ленинградском проспекте. Ясно, что ночевать придется здесь. Но где же Валя? Ведь договорились, что она сегодня вечером должна быть в Москве. Чем же все это кончится?*

14 сентября. *Утром еду в библиотеку. Думал, может жена приедет туда. Напрасно. В 8 часов вечера поехал вновь в тот злополучный дом. Записка от жены. Оказалось, что она вчера действительно приезжала и ночевала в этом доме. Меня не услышали, так как хозяева были пьяны, гремела музыка, а жена после долгой дороги спала как убитая. Из записки узнаю, что Валя уехала в нашу старую кладовку. Приехал туда — жена в горячих слезах. Объясняем. Остаемся здесь.*

15 сентября. *Достаем какие-то адреса. Все безуспешно. Даем объявление в «Вечерку» о желании снять квартиру.*

16 сентября. Мне сегодня дали ордер в общежитие на время сдачи экзаменов. А где жить жене? Заодно ищем ей работу. В одной из музыкальных школ в Московской области предложили прийти на прослушивание. Ей негде заниматься. Пошла, но вернулась, поскольку школа находилась почти в лесу, и пока туда шла, наревелась, вспоминая свои концерты в Консерватории. Дойдя до этой «школы без окон без дверей», зареванная, даже не открыла входную дверь. Ушла. Вечером пошла на встречу с женщиной, которая сдает квартиру в Солнцево. Удача! 35 рублей. Час от центра.

17 сентября. Переезжаем в Солнцево. Одна комната закрыта на ключ, другая - наша. В квартире нет мебели. Хозяйка квартиры развелась, и один на зло другому сдал свою площадь нам. Шура дала нам тюфяк и одеяло. Сидим на полу, едим на откидной дверце духовки газовой плиты. Я занимаюсь. Ищем ясли.

18–19. То же самое.

20 сентября. Валя поехала выяснять насчет работы. Я - в библиотеку ИДВ. Узнаю: конкурс 3 человека на место. Это осложняет дело. Думал, что к Яковлеву поступаю один. Вернулся назад в Солнцево заниматься. Приезжает жена. У нее безрезультатно. Настроение скверное. Не знаем, что делать с сыном, брать пока бессмысленно, вдруг я не поступлю. Не брать - уже нельзя: заболела мать жены. Что делать? Ситуация обостряется... Валя стонет, по-моему, заболела сама. За ребенком должен ехать я, но у меня экзамены. Я прошу в отделе аспирантуры разрешить мне сдать экзамены досрочно, что было технически возможно. Получил разрешение и сдал все экзамены (сдавал без пропусков дней — каждый день экзамен) на пятерки. Таким образом у меня максимальная сумма баллов, и мне дают аспирантский билет раньше всех.

Потом уже я узнал, что количество сдавших на все пятерки было больше, чем реальных аспирантских мест. Но поскольку мне уже выдали (судьба!) аспирантский билет, за бортом остался кто-то другой (а не исключено, что остался бы я). Вот так болезнь сына дала мне шанс учиться в аспирантуре. Страшный парадокс.

Мы забрали сына. С большим трудом, через Академию наук, мы устроили его в ясли, которые находились у метро «Новые Черемушки». В результате я возил его из Солнцево и обратно: полтора часа утром и полтора часа вечером. Жена, наконец, устроилась на работу без прописки, но в Наро-Фоминске. На дороге от дома до работы

уходило три часа в одну сторону (с тремя пересадками). Вот такая работа.

Через некоторое время хозяева в Солнцево, решая свои семейные проблемы, попросили нас освободить квартиру. Мы сняли однокомнатную квартиру на ул. Севанской – это 15 минут на автобусе от метро «Каширская». Такой квартирный калейдоскоп происходил потому, что по закону хозяева квартиры могли сдавать внаем свою площадь только за указанные ЖЭКом деньги, чего никто не делал. Сдавали же квартиры полуплегално на своих условиях. Ни о каких контрактах и речи быть не могло. Не хочешь – не снимай. Поэтому условия найма могли меняться внезапно, что обычно и случалось. Наше новое жилье было в ужасающем запустении. Жил там мужчина, который, якобы, уехал на длительный срок на Север, а квартиру сдавала его мать. Промыли. Прочистили. Ведь у нас ребенок. Все бы было ничего, если бы не тараканы. Такого количества я в жизни не видел. Тысячами они бегали по кухне. Борьба с ними шла с переменным успехом. Когда мы уже праздновали победу, приехал хозяин и попросил нас выехать. Мы переехали в коммунальную квартиру на Варшавском шоссе. Здесь нас мучили клопы, особенно сына. В мае 1972 года жена забрала сына и уехала в Астрахань рожать дочь. (Как мы в таких условиях осмеливались рожать детей – сейчас трудно сказать). Я остался один.

В июне у нас родилась дочь. Побыв месяц в Астрахани, я вернулся один в Москву и всерьез взялся за диссертацию. Из комнаты на Варшавском шоссе меня опять «попросили», и я со своим студенческим другом снял квартиру на ул. Шверника, недалеко от метро «Академическая». Через некоторое время я вынужден был забрать сына, так как у Вали было сильнейшее обострение пиелонефрита с предельной температурой. Она не могла справиться с двумя детьми. Сыну было 2,5 года, и мне было с ним непросто. Как и все дети, он очень рано вставал, а я очень поздно ложился. Как только он поднимался, я отправлял его в другую комнату, где жил мой приятель. В его же комнате стояло пианино, на котором мой парень любил пикиать. Естественно, приятель пытался его запихнуть обратно в мою комнату. Эта борьба длилась до 8 часов утра. В это время я отводил его в ясли, в те же самые, в которых он уже бывал: у метро «Новые Черемушки». Так мы жили.

Все было бы ничего, но нас с другом вновь «попросили», и мы сняли квартиру на Кировоградской улице в Чертаново. Оттуда возить сына было сложнее, и я сдал его на пятидневку. Слава богу, он от природы был малыш крепкий и не болел в отличие от остальных пятидневщиков.

Летом 1973 года приехала жена с годовалой дочкой. Другу пришлось переехать в другую квартиру. Мы остались вчетвером, но проблемы наши усложнились донельзя. В отличие от сына дочь плохо переносила дорогу до яслей. Поблизости в ясли нам ее устроить не удалось (очередь на 5 лет). В результате – те же ясли у метро «Новые Черемушки».

Ее надо было возить (это где-то около часа в одну сторону), и я каждое утро и вечер получал порцию ее завтрака и ужина себе на одежду. У жены старые проблемы – нет прописки и работы. Началась проблема денег. Не хватало даже на еду. Дело в том, что за квартиру мы платили 60 рублей в месяц. На ясли и детский сад (дочь и сын) уходило 25 рублей. От стипендии оставались крохи. У моих и ее родителей обострились свои проблемы, между собой они не ладили, и если одна сторона не могла помочь материально, то другая сторона говорила: «А с какой стати я?», «они (то есть мы) молодые, устроятся. Нам в молодости было не лучше». Начались нервные срывы. Однажды Валя чуть было не выбросилась с пятого этажа, я ее чудом успел перехватить. Вскоре заболела дочь, очень плохой анализ крови. Ни врачи, ни мы ничего не можем сделать. Один педиатр посоветовал жене: «Нужно, мамаша, покормить ребенка печенкой, гранатами и икрой». Прозвучало, как издевательство. Денег в доме нет. Настал самый критический момент нашей жизни: дочь с температурой 40, я с температурой 39, жена в совершенно невменяемом состоянии. (Сын в это время находился на пятидневке.) Мы все-таки позвонили в Астрахань и рассказали о нашем положении. На следующий день появляется моя мама, забирает больную дочь и улетает в Астрахань. В Астрахани дочка живет у родителей Вали, поскольку мои работают и потому не могут сидеть с ребенком. Это было в ноябре 1973 года.

С квартиры по улице Кировоградской мы переехали в марте 1974 года в Теплый стан, где сняли квартиру у циркачей. У них мы прожили год, а в марте 1975 года мы, наконец, получили свою квартиру. То, что мы получили квартиру и прописку, было, конечно, невероятной удачей. После завершения диссертации мой руководитель сказал, что скорее всего меня распределят на Дальний Восток: то ли во Владивосток, то ли в Хабаровск. Психологически я был готов к этому, так как знал, что рассчитывать на квартиру с пропиской в Москве было неслыханной дерзостью. Но однажды, проснувшись утром, моя жена говорит мне, что видела сон. «Иди, – говорит, – скорее в Институт, тебя там ждет направление для получения ордера на квартиру». Меня всегда раздражала расположенность женщин, в том числе и моей жены, к мистике. Еще в консерватории она увлекалась гипнозом, телепатией, гаданиями и

прочей чепухой. Я, естественно, никогда не верил в эту чушь, хотя несколько раз ее предсказания попадали в точку. Так, перед родами сына, когда у нас назрела критическая ситуация с жильем, я ей советовал ехать в Астрахань к родным. Она категорически отказалась, сославшись на сон, предвещавший Астрахани большую беду. Ну, думаю, совсем с ума сошла от своей мистики. Но, как ни странно, ее «прогноз» оправдался, и через месяц в Астрахани вспыхнула эпидемия холеры. И таких случаев было немало. Я пришел к выводу, что жена просто обладает повышенной чувствительностью на внешние обстоятельства. Когда же речь идет о родных и близких людях, ее чувствительность удесятерится.

Короче, поиздевавшись над ее сном, я все-таки направился в Институт. Меня вызывают к заместителю директора по хозяйственной части и говорят, что мне проббили ордер на квартиру. Я обомлел. Бегу к своему шефу, и он мне рассказал, как долго ему пришлось убеждать директора, различные инстанции в необходимости такого умного и ценного сотрудника для института. Убедил.

После всех жилищных мытарств, наконец, своя квартира на ул. Новые Черемушки. По счету она была 13-ая после женитьбы. Если же учесть и те комнаты и квартиры, которые я снимал до женитьбы, то эта – 19-ая квартира. Площадь – 31 кв. метр, смежные комнаты, совмещенная с туалетом ванная, кухня - 4,5 кв. метра. Ну, просто райские хоромы.

Поначалу мы ей очень радовались. Своя крыша над головой. Но вот подросли дети, и стало очень тесно. Много раз жена настаивала, чтобы я начинал заниматься улучшением наших жилищных условий. «Раз у нас разнополые дети, ты – кандидат наук, я – музыкант, то нам полагается дополнительная площадь». Но это только по Положению о получении квартир. Фактически же в нашем статусе мы не могли даже встать в очередь на получение большей квартиры, так как санитарная норма при постановке в такие очереди в Москве – менее 7 кв. м на человека, у нас же – по 7,5. «Почему же некоторые живут по два человека в трехкомнатных и четырехкомнатных квартирах?» – спрашивает она, ссылаясь на академиков, завмагов, партийных работников, мясников. Говорю ей: «Становись кем-нибудь из них, и у тебя будет такая же квартира». Не хочет. Года три занималась обменом и меня пыталась подключить к этой аванюре. Не получилось. Новое решение: «Давай купим кооперативную квартиру. Копи, говорит, деньги». Отвечаю: «Как же я их накоплю, если даже с гонорарами от лекций мы с трудом сводим концы с концами?» «Как же другие находят?» – И так без конца и без ответа.

Правда, в начале 80-х годов блеснул луч надежды. Около нас начали строить дома для работников ЦК, Генштаба. Прошел слух, что наши дома – их называют хрущобами – снесут, так как мы им будем мешать и вообще контрастировать, а на территории снесенных хрущоб посадят кедры, чтобы воздух в микрорайоне был другой. Я решил выяснить, действительно ли снесут. «Да, снесут», затем – «нет не

снесут, но капитально отремонтируют» до 1985 года (при строительстве же наших домов их жизнеспособность планировалась на 20 лет, а они уже стояли 25 без капитального ремонта). Наконец, сказали, что отремонтируют до 1990 года. Действительно, в плане ремонта наши дома числились. Более того, они даже числились в ряду отремонтированных после визита одного пьяного маляра, который испачкал подъезды неопишущего цвета краской, заляпал все двери и все то, что хоть на что-то было похоже. Они считались отремонтированными, хотя по домам поползли трещины, которые замазывали наспех, чтобы не рухнуло все здание.

Для работников ЦК, Генштаба и высокопоставленных чиновников Академии наук дома рядом с нами все-таки построили. В народе этот район называют Царским селом.

Квартирная проблема, пожалуй, одна из острейших в Советском Союзе. Я побывал во многих городах СССР и нигде не встречал, чтобы эта проблема была решена. В 1986 г., находясь в г. Устинове (бывший Ижевск), услышал, что сейчас получают квартиры только те, кто встал на очередь в 1967 году!

В 1989 г. мне предложили пост директора одного из институтов во Владивостоке. Поначалу меня поместили в Академическую гостиницу, думал на день-два, затем – на месяц-другой. Оказалось больше. Приехала жена. Ужаснулась. Валя, естественно, не ожидала таких хором и сильно закручинилась. Как она говорит, превратилась вместо группы поддержки в группу захвата. Тараканов тьма. Из-за них я эту гостиницу назвал «Золотой таракан» (это по улице Кирова 64). Слышал, что название прижилось. Но еще хуже – мошкá, которая черным слоем покрывает ванну. Вся сантехника в этой гостинице (думаю, не только в этой) прогнила настолько, что вывести все это своими средствами мы не смогли. Здесь мы жили довольно долго, пока Валя не сказала – не могу. «Столовой нет, буфета нет, готовить в комнате нельзя – запрещено, магазины на горе, куда нужно не на машине ехать, а взбираться и спускаться по обледеневшим лестницам, откуда уже не раз катилась вниз. С тараканами бороться устала. То света нет, то воды. Не могу».

Через некоторое время мой заместитель по хозяйственной части нашел нам однокомнатную квартиру, но на короткий срок. Дом новый и довольно чистый, не успевший отараканиться. Очень хорошее жилье. Но дом стоял на самой высокой сопке в городе. Машина на нее в непогоду въехать не могла. Я сам скатывался к ней. Валя же, купив продукты, не могла взбираться по обледеневшей горе (здесь не было и лестниц) и катилась со своими покупками к исходной точке, а затем опять начинала восхождение.

Срок нашего проживания в этом доме подходил к концу, и мы переселились в гостиницу «Приморье» в нормальные условия для жизни.

Мне все время обещали квартиру, которую я, наконец, и получил в апреле 1991 г. Это был практически последний дом в жилой черте города. Дальше — зеленая зона. Замечательная зона в погожий день! А в дождливый? От остановки троллейбусов — минут в двадцати. Здесь я опять много раз вспоминал слова Жванецкого: «Дощ-щ - стихийное бедствие». Опять стало сложно добираться до Института. Тем не менее - своя квартира.

Это была последняя квартира перед отъездом из России. Мы уехали в Канаду по воссоединению семьи, поскольку наш сын женился на канадке. Дальнейшие наши передвижения уже зависели совершенно от других причин. Коротко: Нагоя-Ванкувер-Москва-Оксфорд-Париж-Нью-Йорк (Манхэттен). Последняя квартира — 34-я по счету со момента нашей свадьбы.

Я столь подробно описываю эти квартирные эпопеи, чтобы подчеркнуть одну вещь: я убежден, что такое количество переездов не выдержала бы ни одна жена, кроме Валентины. Уже одно это делает ее уникальной.

Шитье-мытьё

В любых нормальных семьях всегда не хватает денег. Мы не были исключением: денег хронически не хватало, особенно в годы, когда я учился в аспирантуре (90 р. в месяц). И случайные подработки Вали. Постепенно ситуация стала улучшаться, и к моменту отъезда из России наша семья, наверное, составляла среднестатистическую благополучную семью по тогдашним социалистическим меркам. Но бедственное материальное положение в начальный период имело очень важную положительную сторону. Валя научилась шить, что, в общем-то, не удивительно почти для любой нормальной русской женщины. Удивительно то, что она шила абсолютно все. Начинала с галстуков. В те времена у меня явно был извращенный вкус, и я просил ее сшить мне очень яркие галстуки, чтобы доминировали голубые, желтые и красные цвета. Ее врожденный вкус протестовал, но она всё-таки позволяла мне быть собой. Как петух я ходил в них в Институт, вызывая естественный смех у девиц и порицание у серьезных ученых. Затем Валя наловчилась шить рубашки, брюки, костюмы, кожаные вещи, наконец, дубленки, модные в те годы. Другими словами, вся моя одежда была сшита Валией, причем шила она на удивление очень быстро. Например, рубашку — за два часа. Она говорит, что сначала всё представляет в голове, а уж исполнение не требует большого времени. Естественно она шила все детям и себе. Про платья и прочую чепуху даже и не говорю. Пиком ее мастерства считается пошив туфель и кожаных сапог, включая все необходимые операции по выделке кожи (вымачивание,

вытягивание, высушивание и т.д.). Специальную кожу для этого мы купили в ГДР, побывав там в туристической поездке (почему-то там она была очень дешёвая).

С не меньшим мастерством она могла делать макромэ и вязать, причем не только банальные свитера, но и платья. Я не подсчитывал экономическую сторону ее мастерства, но важно то, что у нас никогда не было проблем с одеждой. И самое главное: она никогда не требовала от меня что-то там купить из одежды. Если что надо, сама и сошьет. Хочу отметить, что это происходило как бы само собой, ведь Валя – пианистка, и хорошая пианистка; работала в Гнесинском институте. И двое наших детей всегда были с нами. Никаких

нянь и в помине не было. Как она всё это умудрялась делать, для меня и сейчас загадка. Труд дома – это как бы и не труд для нее. Поет и делает. В любом случае я не встречал и не слышал о таких женщинах, которые могут все. А она может.

В России в принципе пищу готовят все женщины (хотя на Западе это редкость). Ну, и Валя – «как все». Ее врожденный творческий талант отразился и здесь: от японских суши и китайской кухни различных направлений – до обычной русской картошечки. Но еще большее удивление у знакомых вызывало ее умение приготовить специальный торт «Павлова». Он напоминает «Птичье молоко», только повоздушнее, а самое главное – без жира. И в этом его секрет. В Ванкувере такой торт делала и делает одна гонконгская семья. Секрет за семью печатями. Валя билась над ним месяца два, переведя массу продуктов, пока, наконец, не разгадала этот секрет. И теперь на каждой вечеринке она радуется своих гостей тортом «Павлова», кстати, названного так в честь русской балерины А. Павловой.

Между прочим, о гостях. У нас всегда было много гостей. Даже тогда, когда мы жили в маленькой квартире в Новых Черемушках. Каким-то чудом в «зале» (метров 18) вмещалось до 20 человек. Но здесь интересно другое: Валя одна умудрялась приготовить все за полдня. В мои функции входила доставка продуктов из магазинов и раскладка деревянного стола. Все. В самом приготовлении пищи я никогда не участвовал, поскольку мое кулинарное мастерство ограничивается яичницей с поджаренной картошкой. Об этом я упоминаю только потому, что неоднократно слышал от других женщин о том, как много времени у них занимает подготовка к встрече гостей.

Сейчас в основном норовят встречаться в ресторанах; на Западе это вообще норма. Я в принципе против ресторанов как классово чуждых мне заведений, в которых в обнаженной форме воспроизводятся отношения раба—господина. Но

главное заключается в обратной стороне ресторанной практики: это исчезновение одной из важнейших функций женщин – кормить семью. Такая практика начинает деформировать «понятие» жены, превращая ее просто в женщину, которая на следующем этапе трансформируется в мужчину (сначала по функциям, а затем и по сути). Результат – конец человечеству. Естественно, я утрирую, но тенденция именно такова.

Воспитание детей по-японски

Как известно, ныне в России рождаемость падает, и одной из причин, по объяснению самих молодых, является невозможность обеспечить детей, начиная с ясельного возраста. Действительно, только издевательствами можно назвать так называемые дотации на детей, предлагаемые нынешней системой молодым родителям. Но только ли в этом причина? На Западе молодым семьям предоставляются весьма существенные пособия на детей, а в скандинавских странах обеспечение семей с детьми вообще более чем достаточное, но рождаемость тем не менее падает. В бедных же странах, где вообще не дают никаких пособий, рождаемость высока. В чем дело?

Дело в том, что в бедных странах население, точнее, женщины просто следуют своей природе, не обременяя себя размышлениями, зачем нужны дети, сколько их должно быть и как их количество скажется на благополучии пары. Все определяет природа. Может быть, природа и глупа, но благодаря этой глупости сохраняется более или менее необходимый прирост человечества.

На Западе сокращение рождаемости вызвано метаморфозами мышления людей. Западный капитализм базируется на индивидуализме и ориентируется на индивидуальность: жить для себя, в свое удовольствие – это принцип, которого они не стыдятся. С детьми такую установку реализовать сложнее: они требуют внимания, денег. Лучше без них, чтобы был сплошной «фан». Опять же говорю о тенденции, особенно ярко выраженной в Западной Европе.

В нынешнем российском капиталистическом обществе «фан» с детьми получить еще сложнее. Ориентация на себя, жизнь для себя постепенно становится нормой, но в еще более утрированной форме, чем на Западе.

Когда «мы» рожали детей, мы не думали о трудностях, не задумывались, как это скажется на нашем благополучии. Возможно, тогдашнее социалистическое мышление (государство всегда выручит) определяло высокую рождаемость в стране. Действительно, это было именно так: мы платили копейки за детские ясли и сады. Нам не надо было платить за школу, за университет (где учился сын), за

балетное училище (где училась дочь). Не отнимала у нас денег и медицина. То есть с материальной точки зрения проблем не было.

Не было проблем и с воспитанием. Я никогда не понимал фразы: как трудно воспитывать детей. Или другая фраза: как трудно вырастить детей. Воспитывает жизнь, выращивает – природа. Какие проблемы?

Проблемой являются сами родители. Я как-то прочитал, что если бы мамы правильно кормили своих детей лет до трех, то продолжительность жизни людей увеличилась бы как минимум лет на 10-15. Своей неграмотностью они сокращают жизнь человечества. Это касается мамаш всех стран, даже очень развитых. В России, помимо искусственного кормления, вызывает удивление привычка родителей укачивать детей, как будто бы они задались целью вытрясти из них мозги. Думаю, это одна из причин большого количества ненормальных детей в стране. Дети с младенчества имеют «кайф» от тряски в колясках.

Еще одна проблема — различные подходы родителей к воспитанию детей и отсюда жесточайшая война между супругами: кто из них прав и как надо воспитывать. В России, между прочим, эти проблемы менее ожесточенны, поскольку воспитание как бы отдается в руки матери и папаши не особенно склонны в это дело влезать, а матери и не очень настаивают. На Западе – это настоящая война, т.к. обе стороны отстаивают свои права на воспитание.

Мы с Валею тоже придерживались совершенно противоположных подходов в деле воспитания, но не доходили до конфликтов большого накала (как на Западе). Вполне понятно, что на воспитании детей сказывается прошлое самих родителей, точнее, то, как воспитывали их самих. В Валиной семье детям помогали и опекали во всем. У меня был другой опыт – опора на собственные силы: сам везде устраивался, сам выбирал место учебы (вопреки желанию родителей).

Кроме того, на мой подход в воспитании детей оказала влияние система воспитания детей в Японии, которую я изучал. Ведь я получил университетское образование как японовед. Там доминантой является самостоятельность, правда, под невидимым жестким надзором родителей, особенно матери.

В соответствии с японской системой я запрещал Вале вставать по ночам к грудным детям и вообще реагировать на их плач. Тем самым у ребенка не формируется условный рефлекс: плачем привлекать внимание взрослых. Валя, однако, реагировала, хотя ей приходилось делать это не так часто, поскольку детей, уже в чуть более старшем возрасте, где-то лет с двух, я приучил не плакать: чтобы «не потерять лица» (как в Японии). Сурово я к ним относился и в плане закалки, даже зимой запрещая одевать всяческие шубки, требуя, чтобы носили они только курточки. Если холодно, надо просто присесть раз сто, и станет тепло. Валя, хотя и со скрипом, усматривала в такой суровости рациональные зерна. Как бы то ни было, дети у нас простудными заболеваниями болели крайне редко.

В те времена у меня почему-то была мания привить детям самостоятельность. Сам процесс вызывал негодование и ужас у всех моих знакомых и воспитателей детсадов. Когда я снимал квартиру на ул. Шверника (сыну было два с половиной года), я приучил его одного ездить в детский сад-ясли на метро. Я его подвозил к метро «Академическая», впахивал в вагон, просил пассажиров вытолкнуть сына у станции «Новые Черемушки». А там он сам дочапывал до детсада (это минуты в пяти от метро). Валя об этом ничего не знала (в это время с дочкой находилась в Астрахани). Да я и сам сейчас не могу представить, что такое было возможно в действительности, если бы не фиксация в дневнике.

А вот другой финт, который я вытворял с детьми. Зимой в детский сад обычно родители возят детей на санках. У меня было наоборот. Я садился в санки, а сын и дочь везли меня в детский сад. Наблюдавшие эту сцену родители и прохожие кричали вслед, что я изверг. Мне же казалось, что, во-первых, я тренирую их физически, во-вторых, реализую старую поговорку: любишь кататься, люби и саночки возить.

В результате моих экспериментов сын лет в шесть мог один ездить по Москве по знакомым маршрутам. В таком же ключе воспитывалась и дочка, на которой висела "уборка" квартиры. Естественно, мои крайности нейтрализовывались Валиной любовью и всяческими поблажками. Я обычно все им усложнял, она – облегчала. Это естественное поведение матери, и спорить по этому поводу бессмысленно.

Еще раз хочу обратить внимание на образованность матерей. От этого зависит качество детей. Из науки известно, что характер и судьба детей наполовину определяются генами, наполовину воспитанием. Последнее, в свою очередь, зависит от образованности самих родителей. Исключения случаются, но я говорю о тенденции: чем выше образовательный уровень родителей, тем выше совокупный потенциал детей, который состоит из двух блоков: здоровья и интеллекта. И хотя за оба блока

ответственность несут оба родителя, однако за интеллект отвечает преимущественно отец, за здоровье – мать.

В очень раннем возрасте я с большой охотой читал детям сказки и обучал их чтению и письму. Сын мог читать уже в два с половиной года, а писать — к четырем годам. У дочери эти навыки хотя и запоздали, но перед школой она также могла и читать, и писать. Мои знакомые воспринимали мои эксперименты над детьми как издевательство, особенно если учесть, что одно из первых стихотворений моего сына было «Я волком бы выгрыз бюрократизм» - «Стихи о советском паспорте» Маяковского, а на «бис для гостей» коронными фразами и словами были «ренегат и сикофант Каутский», «Маяковский – лучший поэт всех времен и народов», «экзистенциализм», которые наши дети произносили бойко, с какой-то удивительной детской легкостью. Звучало все это жутко смешно. Конечно, Валя занималась их образованием значительно большее количество времени, особенно в школьный период. Как бы то ни было, сын закончил школу в 15 лет с серебряной медалью и в те же 15 лет поступил в Институт стран Азии и Африки, а дочь поступила в балетное училище. У них никогда не было проблем с освоением учебных программ в школе. Что касается сына, то наверняка постоянное печатание моих статей и даже докторской диссертации помогало ему развиваться.

На здоровье же детей, полагаю, помимо закалки, сказались и Валины знания в медицине. Она изучила немало книг по детским болезням и, думаю, по своим знаниям превосходила любого детского врача. В последних мы практически и не нуждались.

И тем не менее все сказанное не означает, что мы специально занимались воспитанием, или выводили детей «в люди». В люди они выходили сами в том смысле, что ни я, ни Валя никогда их никуда не «устроивали». Они поступали сами и учились сами. Никому не давали взяток, ни с кем не договаривались. Я исходил из того, что, во-первых, меня самого никто никуда не устраивал (закончил я Восточный факультет ЛГУ), а во-вторых, система трудоустройства претила мне по моральным соображениям. И Валя, приехав одна в Ленинград из провинциальнейшего города Астрахани, поступила в Ленинградскую консерваторию, которую также с успехом окончила. Мне всегда казалось и кажется сейчас: те, кого надо устраивать, – это неполноценные люди, что обязательно должно сказаться на их последующей жизни. И это чувство меня не обмануло. Я мог бы привести десятки примеров краха тех, кого устраивали. Иногда кажется, что внешне они процветают, на самом деле – они обыватели с качествами мерзавцев и подонков. И постоянной пустотой внутри, что ведет их к наркомании и алкоголизму. Одним словом — «гламур»!

Валентина полностью разделяет подобную оценку (хотя, естественно, не в такой резкой форме). Я думаю, что дети, уже повзрослев, также оценили нашу «жесткую» манеру воспитания. Каждый из них строит свою судьбу, самостоятельно преодолевая массу трудностей, и в конце концов добились очень многого. В силу

естественных причин они духовно ближе к матери, которая до сих пор «учит их жить». И хотя мы живем в разных местах, я считаю, что у нас все равно сохранилась семья, и главная заслуга в этом принадлежит Вале.

Таким образом, Валентина идеально справилась с двумя важными функциями: сохранение и укрепление семьи и рождение и воспитание детей, которые выросли личностями.

Спасибо тебе, дорогая!

Олег Арин
25.12.2009